

ЕВА
ЛЕВИТ

СЕРИЯ:
ГДЕ НАШИ
НЕ ПРОПАДАЛИ

МАМА, ТЫ ЛУЧШЕ ВСЕХ

КАК РОДИТЬ ПЯТЕРНЮ
И НЕ СОЙТИ С УМА

Где наши не пропадали

Ева Левит

Мама, ты лучше всех!

«WebKniga»

2020

УДК 821.161.1-31(479.25)

ББК 84(2=411.2)6

Левит Е.

Мама, ты лучше всех! / Е. Левит — «WebKniga», 2020 — (Где наши не пропадали)

ISBN 978-5-9691-1916-1

С того самого момента, когда она узнала, что их у нее будет четверо (потом выяснилось, что пятеро), она относилась к ним как к живым, родным, одушевленным людям. И потому не могло быть и речи о сознательной «редукции» ее будущей большой семьи. Она приняла предложение израильской клиники, которая бралась обеспечить благополучные роды. Ее же цель была куда сложнее, чем у врачей, – не просто выносить, но и выходить, выкормить и вырастить всю пятерню. Теперь, когда цель достигнута и ее «малышам» уже по восемнадцать, можно и поделиться воспоминаниями. Ленинградка Ирина Левитина – теперь она Ева Левит – подробно и весьма откровенно рассказывает о том, как история уникальной беременности постепенно становилась хроникой тяжелейших будней, о том, какими разными росли и выросли ее дети, о том, как все они чудесны – в том числе и шестой, родившийся тремя годами позже. Кто-то из прочитавших эту исповедь воспримет ее как историю успеха, кто-то как психологическое руководство для родителей, а кто-то и как медицинскую прозу. Все они будут правы, и каждый, пожалуй, поймет, почему автор в какой-то момент почувствовала себя Евой.

УДК 821.161.1-31(479.25)

ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-9691-1916-1

© Левит Е., 2020
© WebKniga, 2020

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Разлом	8
Глава 2. А где был Бог?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ева Левит
Мама, ты лучше всех! Как
родить пятерню и не сойти с ума

Художник
Валерий Калныныш

© Ева Левит, 2020
© «Время», 2020

* * *

Предисловие

– Похоже, тут четыре, – прозвучала роковая фраза, совершенно неожиданно и звонко до боли в ушах.

Потом оказалось, что их пять.

Впрочем, потом – это потом, а тогда...

Эти не сбывшиеся (или, вернее сказать, перевыполненные?) четыре изменили всю мою жизнь.

Но, Впрочем, начну с начала...

Глава 1. Разлом

- *Мама, а если бы я мог выполнить одно твое желание, что бы ты загадала?*
- *Чтобы ты всегда был предельно честен. И с другими, и, главное, с самим собой.*
- *Знаешь что? – подумав. – Давай лучшие три желания, но других...*

Почему люди хотят детей?

Ну, тут вам много стандартных ответов набросают.

Ради продолжения рода, а то перед прапра... будет стыдно, если их линия прервется, да и перед миром неудобно: надо же как-то нашими роскошными генами делиться.

Или чтобы было кому стакан воды на старости – и полагаю, не одноразово – подать.

Ну и прочее всякое такое.

В общем, из чистого эгоизма, конечно.

И я не стесняюсь в этом признаться.

Правда, мой эгоизм еще покруче будет.

Я думала даже не о своем подарке прапра..., уже заждавшимся на небесах – мол, когда уже.

И не о щедром дележе с человечеством.

А о своем проломе, противеньком таком – с колкими краями, в привычке думать о себе как о супер-пупер-профи.

Вот как-то так.

А все потому, что мне всегда и все давалось с первого раза.

А иногда даже и с нулевого, когда еще и желание-то сформулировать не успеешь, а Кто-то Там (как вы видите, я на всякий случай пишу эти слова с большой буквы) уже подслушал и, так и вырвав запрос без парочки последних слогов, заворачивает посылочку и бросает тебе прямо в руки.

Вот, например, на протяжении всех восьми лет учебы в университете и аспирантуре я всегда доставала именно те билеты, которые хотела. И не потому, что остальных не знала – я всегда знала все! – а потому что именно на содержащиеся в них вопросы было интересно отвечать.

А мой лучший, с тех пор и до сегодняшнего дня, друг, придумавший для меня особое название – «феинька», говорил мне:

– Фейненька, ведь ты все можешь! Сделай так, чтобы я вытащил то-то и то-то.

И я говорила:

– Иди и вытаскивай!

И он шел, и у него и правда все получалось.

К нашему обоюдному, надо сказать, изумлению.

И общеизвестное прозвище у меня было, кочующее со мной из одного учебного заведения в другое, из инстанции в инстанцию, как то самое переходящее красное знамя, – Королева. И дипломы у меня все красные.

А тут, понимаете ли, такая нестыковка – детей нет и нет. И приговор из карточки в папочку, из клиники в клинику – «бесплодие».

И невозможность смириться, что вот тут-то и не с первого раза, что двери захлопнуты наглухо, что ты не отличница и не активистка, а вообще даже и не в хвосте, и не как все.

Что ж, как у всех в результате и не получилось.

Потому что грезил я об одном ребенке, но на УЗИ (после семи лет бездетности и наконец-то предложенной гормональной терапии, зато уж – ура-ура! – все-таки с первого раза) мне и сказали то самое:

«Похоже, их тут четыре!»

И, сползая с гинекологического кресла, я одновременно пересекла черту между прошлым и будущим.

Передо мной зиял разлом между разными кусками реальности, соединить которые уже не могли никакие мосты.

И я зажмурилась и приготовилась прыгать.

* * *

Хотя нет, мост все-таки был.

И врач тут же потащил меня обратно, предложив то, что называется редукцией.

Термин этот, конечно, изначально не медицинский. Более того, в Википедии, например, вы вообще его не найдете в *этом* смысле. Зато найдете во множестве других. Публикую выборочно:

Редукция в логике и математике – логико-методологический прием сведения сложного к простому.

Редукция в химии – восстановление из оксида, раскисление, процесс, противоположный окислению.

Редукция в биологии – развитие, ведущее к упрощению строения организма.

Редукция в технике – сокращение, уменьшение силы движения, напряжения.

Редукция в механике – понижение или повышение числа оборотов механизма с целью привести обороты к требуемым; коробка передач автомобиля.

Редукция в гидродинамике – понижение и стабилизация давления жидкости.

Редукция – ослабление звучания гласных в безударном положении.

Синтаксическая редукция – выпадение из логически развернутых конструкций избыточных словесных компонентов и синтаксическое объединение оставшихся при полном сохранении семантико-синтаксического значения исходных структур.

Редукция предков в генеалогии – уменьшение количества предков по причине вступления в брак между собой дальних родственников.

Ну и так далее и тому подобное. И, в общем, вы поняли.

Мне предложили уничтожить часть эмбрионов, разыграв их шансы пятьдесят на пятьдесят.

Сегодня, когда я смотрю на свою пятерню и думаю о том, что тогда могла принять неверное решение, мне становится страшно.

Я спрашиваю себя: кого, кого из них сейчас могло бы не быть?

Вот этого, со смешными ушами, торчащими из головы под углом 45 градусов?

Вот этой, которая никогда в жизни не плакала и даже из колыбели только смотрела внимательными и строгими глазами?

Вот этого, который может с ходу сыграть на гитаре любую мелодию, даже если услышал ее в первый раз в жизни?

Вот эту, которая самозабвенно строит многоэтажный торт на радость остальным?

Вот этого, который всегда знает, как правильно?

Впрочем, я ведь уже тогда это понимала.

Еще не зная, что, сидя в израильском кинотеатре, где в каждом ряду по 13–15 мест, мы будем занимать полряда.

Еще не зная, каково это, когда на тебя наваливаются пятеро малышей.

Еще не зная про все прелести обнаружения в неожиданных местах сотен обкусанных конфет и продырявленных пальцами фруктов.

Я понимала, что не смогу жить с мыслью, что их могло быть больше, чем двое. И что несуществующий остаток я уничтожила сама, согласившись на инъекцию.

А делается она, кстати, так.

Под контролем ультразвука с помощью тонкой иглы через брюшную стенку матери в грудную клетку эмбриона вводится яд.

Эмбрион при этом должен быть молодым – желательнее не старше 8–9 акушерских недель беременности, максимум – до 13.

Это для того, чтобы, погибнув, растворился без следа и (не обладая излишней массой) не отравил соседей по матке.

При этом игла выбирает (под чутким руководством врача, конечно) того, кто «покрупнее». Если, конечно, слово «покрупнее» уместно в случае разницы в пару десятых грамма.

Но кто эти те, кто «помельче»?

Симпатяги, трудяги, ленивцы, гении, нобелевские лауреаты, просто хорошие парни? Или девчонки?

Нет, это совершенно невозможно.

А если нет, если ничего такого не делать, то тогда что – возможно?

А если все погибнут из-за моего слюнтяйства, маскирующегося под рефлексию?

И ведь говорил же Екклесиаст Достоевскому: «От многих знаний многие печали!»

А врачи, и их все больше, разумны до чертиков.

И вроде бы и не давят, ибо этика не позволяет, но припугивают.

И ты взвешиваешь и взвешиваешь на проржавевших от слез весах: за и против, да и нет, два и два, жизнь и смерть.

И ведь говорил же Бог через Моисея: «Вот даю я тебе сегодня жизнь и добро, смерть и зло. И выбери жизнь».

Но как тут выберешь? Если любой вариант может обернуться и тем, и другим.

И ведь говорил же Артемон Мальвине, что «пациент скорее жив, чем мертв». Или «скорее мертв, чем жив»?

В общем...

Страшно!

И я могла решить иначе.

Но тогда не было бы пяти прозрачных ящиков в отделении интенсивной терапии и номеров на каждом. 1, 2 и 4 – мальчики. 3 и 5 – девочки.

И тогда не было бы завалов попорченных конфет и фруктов.

А в этом у нас специалистка – № 5.

Ироническое отступление про сладости и прочее съестное

Когда ей было полтора, она не то ползком, не то на нетвердых ножках пробралась на кухню и дотянулась до полочки с помидорами.

Я сама люблю помидоры.

Люблю еще с тех пор, когда пятилетней, в Крыму, вонзала в них зубы – минус два передних – и высасывала теплый от солнца тягучий сок.

И сосала мякоть. И глотала черный хлеб между укусами.

Мне тогда казалось, что ничего вкуснее на свете нет.

Мне иногда и сейчас так кажется, хотя в Израиле – а как я туда попала, вы наконец-то очень скоро узнаете – совсем не те помидоры. И только пару недель назад, впервые за восем-

надцать лет, мне попались в местном супермаркете большие, яркие, пахучие, настоящие, как тогда в Крыму, – одноразовое помидорное счастье – но и на том спасибо.

И ей, моей самой младшей (тогда) на целую пару минут (по отношению к самому старшему), они показались вкусными.

И она прокусила и высосала восемнадцать штук.

Размазав по всей одежде, и по босым трогательным лапкам, и даже по круглой голове с коротким еще светлым летучим покровом.

А потом, когда ей было три, она периодически интересовалась, сурово глядя на исчезающие в моем собственном рту кусочки:

– Мама, зачем ты ешь нашу еду?

А еще было дело, и тогда ей, кажется, уже исполнилось четыре: я закупила 85 кг сладостей, чтобы отправить их для какого-то праздника в еврейскую общину Питера, с которой я на первых порах и отсюда поддерживала связь, – уж заказали так заказали – и предусмотрительно спрятала их в кладовку.

Но она все равно проникла туда, и вскрыла все упаковки, и съела по чуть-чуть из каждой. И еще много перекусала и помяла.

А сейчас ей восемнадцать. Но она все равно пожирает львиную долю шоколада из общих запасов.

И да, строит совершенно невероятные торты неземного вкуса.

И еще, пожалуй, пару слов о сладостях. И введу-ка я тут заодно прямо сейчас специальную рубрику для подобных отвлеченных рассуждений и назову ее соответственно.

Педсовет

Я никогда сильно не ограничивала детей в сладостях – естественно, натурального приготовления, а не зубодробительной химии.

И вам не советую.

И вот почему.

Во-первых, дети хорошо улавливают позывные организма и едят именно то, что последнему требуется.

Во-вторых, мозг не живет без глюкозы – одного из важнейших источников энергии живых организмов нашей планеты.

Последнее уже давно доказано – в том числе одним из моих любимейших когнитивных психологов, нобелевским лауреатом Даниэлем Канеманом¹.

Один из множества проведенных им экспериментов в этой области особенно показателен.

Две группы студентов-математиков из престижного американского вуза получили одинаковое задание – решить энное количество сложных уравнений.

Выполнять задание предстояло в два захода с небольшим перерывом на чай-кофе.

Подвох же (а он всегда есть при сравнении участвующих в подобных исследованиях двух контрольных групп) заключался в том, что в соседнем с каждым классом кафетерии предлагали одинаковый ассортимент, с одной только разницей: в первом напитки и выпечка были приготовлены с использованием продуктов, содержащих глюкозу, во втором – с сахарозаменителями, ее вообще не содержащими.

¹ Даниэль Канеман – израильско-американский психолог. Один из основоположников поведенческой экономики. Лауреат Нобелевской премии по экономике 2002 года «за применение психологической методик в экономической науке, в особенности при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности».

И что бы вы думали?

Если до перерыва обе группы показывали похожую динамику: бодрое решение сложных уравнений поначалу и все более вялое к концу, то после чае-кофепития все резко изменилось – насытившие организм глюкозой студенты расщелкали оставшиеся уравнения как семечки, те же, кто получил заменители сахара, попросту завалили задание.

Или вот еще описанный у Канемана интересный опыт с участием глюкозы.

От которой, как это ни удивительно, реально могут зависеть судьбы.

Так, восемь израильских судей, ответственных за условно-досрочное освобождение заключенных, сами того не подозревая, приняли участие в жестком эксперименте.

Каждое рассмотренное ими дело тщательно анализировалось психологами.

И что бы вы думали?

Только первые дела, разобранные судьями сразу после завтрака, получили штамп «одобрено».

Но чем дальше по времени от потребления глюкозосодержащей пищи – а именно глюкозой подкрепляется активная деятельность нашего мозга, наша концентрация, внимательность и способность принимать взвешенные решения – тем меньше шансов оставалось тем, чьи дела еще не дошли до внимания судей.

Которые как честные люди не смели принимать решения, не видя четкой картины.

Которая размывается без... глюкозы.

Потому что мозг не может сосредоточенно трудиться без нужного запаса драгоценного вещества.

А я мозги моих детей очень ценю.

И кто знает, может, именно пироги и сладкие фрукты помогли им стать лучшими учениками в своих классах?

Хотя...

Насчет лучших учеников – я вовсе не считаю, что в детях надо культивировать стремление быть таковыми. Но это – отдельный разговор.

– Мама, ты что – очередную книгу пишешь?

– Да.

– И я пишу!

– О чем же?

– Про миллиардера, который занимает двадцать четвертое место в списке самых богатых людей мира по версии Forbes. А еще он дружит с хакерами, увлекается робототехникой и занимается благотворительностью. Ну, в общем, там много чего будет: от скитания по тюрмам до спасения мира.

– А почему двадцать четвертое место?

– Потому что он должен занимать высокую позицию.

– Почему тогда не третье?

– Ну ты что? Третье – это же нелогично. А вот двадцать четвертое – самое то!

Глава 2. А где был Бог?

– Мама, я знаю, почему мы родились все разом.

– Почему же?

– Когда в супермаркете залеживается товар, то его распродают по акции. Два по цене одного, три по цене одного, пять по цене одного. Наверное, у бога такой же подход к бизнесу.

А еще я не могла решиться на редукцию, потому что в то самое время, когда врачи поставили меня перед этим чудовищным выбором, я была глубоко религиозна.

И сейчас я расскажу вам, как это меня угораздило.

Наверное, из-за моей семейной истории.

А может быть, из-за моего самого первого воспоминания о себе.

Вот такого.

Я лежу на спине, по всей видимости в коляске, а надо мной безумное буйство ранее неведомых оттенков зеленого.

Судя по тому, что я родилась в середине марта, речь, должно быть, идет о возрасте нескольких месяцев, которые у меня совпали с поздней весной, когда в прохладном Петербурге – тогда он, правда, был еще Ленинградом – начинается пора цветения.

Я, как сейчас, вижу это мелькание зеленых пятен, которые сменяют друг друга по ходу движения моей коляски и по прихоти ветра, не в лад качающего ветки. И вместе с этой картиной, встающей у меня перед глазами, я снова, словно впервые, ощущаю острый приступ непомерного изумления: да что же это, откуда это взялось?

Если бы жив был мой дед-хасид², он бы сказал, что зеленое сотворено на третий день: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень: траву семяносную, дерево плодоносное, производящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И выпустила земля зелень, траву семяносную, по роду своему, и дерево плодоносное, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что хорошо. И был вечер, и было утро: день третий» (Быт. 1: 11–13).

Но мой дед умер в первую блокадную зиму и не имел ни малейшего шанса изложить мне свою точку зрения.

Зато мне излагала ее бабушка.

Которая каким-то чудом – если, конечно, верить в чудеса, а не в броуновское движение частиц – оказалась моей бабушкой, чуть было не улетев за океан задолго до знакомства с моим дедушкой.

Помимо нее в семье было еще двенадцать детей, и всеми ими сто лет назад овладела охота к перемене мест. Как, впрочем, и другими евреями, уставшими от погромов и устремившими взоры на западную часть глобуса.

Америка!

И миллион усилий для того, чтобы туда попасть.

Но тут обнаружилась обескураживающая деталь – в Америку принимали только ровесников века, то бишь родившихся не раньше чем в 1900 году.

Бабушка, увы, по этому пункту не проходила, ибо была на четыре года старше, чем нужно. Но это ее не остановило.

² Хасидизм – широко распространенное народное религиозное движение, возникшее в восточноевропейском иудаизме во второй четверти XVIII в. и существующее поныне. Хасидизм дал начало нескольким сотням общин, во главе каждой из которых стоит ребе, которому, как правило, приписывается особая праведность, мудрость и умение творить чудеса. Сформированные вокруг подобных фигур хасидские дворы называются обычно по местечкам, из которых берут свое начало. Например, Любавичский хасидизм, Бреславский хасидизм, Вижницкий хасидизм и т. д.

Пока остальные братья и сестры плыли к западному берегу, бабушка собирала деньги на взятку в паспортный стол, результатом чего явились новые документы, согласно которым она родилась именно что в 1900-м и, стало быть, была подходящей претенденткой на американское гражданство.

Увы, последние пароходы с эмигрантами в Америку отчалили до того, как бабушке повезло с бумажками. А потом дверца захлопнулась с громким стуком, и единственным результатом бабкиных махинаций стал удлинившийся на четыре года необходимый рабочий стаж – на пенсию ее выпустили согласно «новому возрасту», так что кроме возможности дополнительно ударно повкалывать на родное государство она больше ничего хорошего не приобрела.

Кстати, она была одним из первых добровольцев, которые вернулись в Ленинград после Победы, чтобы расчищать завалы от бомбежек, и вместе с моей тогда тринадцатилетней мамой усердно таскала кирпичи за какие-то жалкие копейки, которых хватало лишь на картошку и горстку овса для приготовления вечного блюда дня – овсяного супа.

В любом случае, отправься она вместе со всеми в Филадельфию, меня бы не было и моих детей, соответственно, тоже.

С бабушкой вместе жизнь коротала и ее младшая сестра. Остальные американские родственники мне неведомы.

А по поводу бабушки отмечу лишь две дополнительные детали.

Первая: она с детства пыталась приучить меня к уважению к Богу, что ей категорически не удавалось. Ибо еще пятилетней, сопротивляясь обматыванию шеи шарфом перед выходом в садик, я ей заявляла с позиций диалектического материализма:

– Если твой Бог и существует, то он дурак.

– Почему это?

– Потому что я вот только что назвала его дураком, а он не реагирует.

– Как же он должен отреагировать?

– Ну хотя бы наказать меня, а то получается, что его либо нет, либо он не дорожит своим авторитетом. А стало быть, тем более дурак.

Зато сама бабушка авторитетом очень дорожила. И потому, когда ей показалось, что из-за немощи ума и тела ее авторитет в семье падает, она покончила самоубийством.

Ей было тогда 93.

Ну а к Богу я пришла все равно.

Временно.

Как раз из-за мыслей о смерти.

Но не бабушкиной.

Соседка по парадной, алкоголичка и скандалистка, разводила в квартире кроликов. Их, новорожденных, когда-то довелось увидеть и мне, пытливого ребенку, замершему при виде очередной непостижимой формы жизни. Но тут же я была обескуражена признанием прямолинейной тетки, что очень скоро эти кролики будут умерщвлены недрогнувшей рукой ее собутыльника и мужа.

Таинственная физиономия смерти проглянула в ухмылке соседки, заставив меня всерьез задуматься о том, что почувствует подросший кролик в момент расставания с жизнью и что станет с этим его непонятным мне, но, по всей видимости, неприятным чувством после того, как все свершится.

Это лишь один эпизод, а их было много. Ведь нужно было еще понять, куда все же делся покойный дедушка, каковы мучения умирающих от голода несчастных детей, «жертв развитого капитализма», и, самое главное, как быстро погибнем мы сами от ядерной бомбы, которую непременно вот-вот сбросят на нас американцы, уже не сдерживаемые усопшим заступником мирного человечества Леонидом Ильичом.

Все эти размышления, то чаще, то реже прерывавшие монотонное течение моего взросления, на определенном, октябрятско-пионерском переходном его этапе наконец-то оформились в один большой и выстраданный вопрос.

Звучал он так: если меня когда-то вообще не было, с этим еще можно примириться, но после того, что я уже есть, я мыслю, чувствую, боюсь и надеюсь – после этого перестать быть и все это нажитое духовное добро пустить насмарку? Разве же это не абсурд? Разве это можно допустить? Разве это справедливо и не чудовищно? В конце концов я ведь не какой-то там кролик, который и то, наверное, внутренне протестует при виде нависшего над ним ножа? Так можно ли мне, человеку – а ведь это звучит гордо – согласиться на столь позорный финал?

Все мое существо бунтовало против этого, на первый взгляд неоспоримого факта, и мне уже заранее не хотелось жить, чтобы не копить прекрасные мысли и светлые чувства зря, на смех Кому-то неведомому, который так глупо все устроил. Но даже высказать свое возмущение этому Кому-то я не могла, ведь его, по мнению старших, кроме бабушки, вовсе и не существовало.

Никакого устроителя мирового порядка не было, все же имеющее место образовалось само собой. Так стоило ли препираться с пустотой?

Тогда, будучи десятилетней девочкой, я сама не понимала, что еще долгие годы мне придется искать ответ на этот гвоздем засевший в виске, сродни мигрени, мучительный вопрос.

Для того чтобы обрести ответы.

Временные.

А мое приближение к скрывающемуся за бархатным пологом синагоги Богу произошло в 1996-м, когда я, уже замужняя и уже всю сдававшая кандминимумы – в том числе и по философии, которая тоже бессильно отступила перед роковым вопросом о смысле бытия, – впервые задумалась (замри, читатель, вот и оформляется тот пунктир, который приведет меня однажды к рождению пятерни) о детях.

Но для начала – пара слов об их потенциальных родителях.

Я. Двадцати трех лет от роду, аспирантка филфака педагогического университета им. А. И. Герцена, специализирующаяся на творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. Параллельно работающая лаборанткой на кафедре русской литературы второй половины XIX века, а также журналисткой на санкт-петербургском радио (авторский канал «Невский проспект») и руководительницей студенческой театральной студии в еврейской организации «Гилель»³.

Он. Двадцати одного года от роду, изучающий физику плазмы в Политехе, также активист «Гилеля» и режиссер в означенной театральной студии.

И оба – озабоченные правильным и здоровым образом жизни, включающим вегетарианство, сыроедение, моржевание, – две жерди, качающиеся на ветру.

Сама история нашего знакомства тоже знаменательна.

В 1993-м в меня был влюблен совершенно другой человек, который, так и не добившись взаимности, в оказавшийся судьбоносным зимний вечер поставил вопрос ребром: мол, выходи за меня или я сам за себя не отвечаю.

Я сказала: нет.

Было это в тихой комнате громкой квартиры, где человек сорок из нашей общей студенческой тусовки отмечали чей-то день рождения.

Тем временем дело близилось к полуночи, Золушкам уже пора было терять туфельки, а нам всем – успевать на последние поезда метро.

И мы рванули.

Плотной, завернутой в шубы и пуховики массой.

³ Гилель – всемирное студенческое движение, способствующее ознакомлению с историей, культурой и традициями еврейского народа.

Я с кавалером, напившимся с горя и размякшим, как тот пуховик, – почетным авангардом.

Заветные семь минут до метро дались моему пьяному другу тяжело, и вдруг взбрыкнув посреди дороги, он толкнул меня прямо на проезжую часть навстречу призраку ночного троллейбуса с криками, заимствованными у Карандышева: «Так не доставайся же ты никому!»

Я упала на заледеневшую дорогу и начала было обретать равновесие на четвереньках, когда осознавший содеянное герой не моего романа в приступе раскаяния ухватил меня за яркий конец длинного шарфа и начал тянуть обратно на тротуар.

Заползая на знаменитый питерский поребрик – не путать с московскими бордюрами – я наконец-то выпрямилась, а друг мой зато, наоборот, поник на снегу и изъявил желание умереть в сугробе.

В общем, пришлось его как следует встряхивать и волочь дальше, к уже самому что ни на есть распоследнему поезду метро.

И вдруг я почувствовала, что тяжесть его тела на моем плече куда-то испарилась. И другой молодой человек из нашей компании, перекладывая его на себя, сообщил по-деловому: «Мы с ним рядом живем. Я довезу его до дома и сдам на руки маме».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.